

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	8
Введение. «Мы исходим из самоочевидной истины»	10
Парадокс самоочевидности	14
Human Rights и «The Rights of Man»	17
Как права стали самоочевидными	25
Глава 1. «Потоки чувств».	
Чтение романов и воображение равенства	36
Романы и эмпатия	39
Упадок или подъем?	53
Странная судьба женщин	63
Глава 2. «Кость от костей их». Отмена пыток	78
Пытки и жестокость	85
Самодостаточная личность	92
Публичное зрелище боли	103
Агония пытки	111
Страсти и человек	123
Глава 3. «Они показали выдающийся пример».	
Декларация прав	128
Провозглашение прав в Америке	131
Провозглашение прав во Франции	146
Отмена пыток и жестоких наказаний	157
Глава 4. «Этому не будет ни конца ни края».	
Результаты принятия декларации	169
Логика прав: религиозные меньшинства	173
Свободные черные, рабство и раса	186
Признание прав женщин	195

Глава 5. «Слабое чувство человеколюбия».

О том, как права человека потерпели поражение, чтобы в конечном итоге восторжествовать	205
Изъяны прав человека	206
Наступление национализма	211
Биологические объяснения неравноправия	217
Социализм и коммунизм	229
Мировые войны и поиск новых решений	234
Границы эмпатии	244

Приложения

Декларация независимости, 1776	251
Декларация прав человека и гражданина, 1789	256
Всеобщая декларация прав человека, 1948	260
Указатель имен	269

*Посвящается Ли и Джейн,
сестрам, подругам, вдохновительницам*

БЛАГОДАРНОСТИ

В работе над этой книгой мне очень пригодились многочисленные советы друзей, коллег и участников разных семинаров и лекций. Мне никогда не хватит слов благодарности, чтобы выразить признательность всем тем, перед кем мне посчастливилось оказаться в неоплатном долгу, и остается лишь уповать на то, что они узнают свои идеи в отдельных фрагментах и сносках. Лекции имени Паттена в Университете Индианы, лекции имени Мерла Курти в Висконсинском университете в Мэдисоне и лекции имени Джеймса У. Ричарда в Университете Вирджинии дали мне неоценимую возможность проверить на публике первоначальный замысел этой книги. Кроме того, отличными наблюдениями поделились со мной слушатели в Камино-колледже, Карлтонском колледже, Центре экономических исследований и образования в Мехико, в Фордемском университете, Институте исторических исследований Лондонского университета, колледже Льюиса и Кларка, Помона-колледже, Стэнфордском университете, Техасском сельскохозяйственном и инженерном университете, Парижском университете, Ольстерском университете в Колрейне, Вашингтонском университете в Сизтле и, конечно, в моем родном Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Финансированием большей части исследования я обязана именной профессуре Юджина Вебера по европейской истории Нового времени в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе; серьезным подспорьем стала и поистине уникальная, богатая библиотека нашего университета.

Многие полагают, что в списке приоритетов университетского профессора исследовательская работа опережает преподавание. Однако замысел этой книги родился благодаря сборнику документов, который я редактировала и переводила

для студентов бакалавриата: «Французская революция и права человека: краткая документальная история» (*The French Revolution and Human Rights: A Brief Documentary History*. Boston; New York: Bedford/St. Martin's Press, 1996). Стипендия Национального гуманитарного фонда (*National Endowment for the Humanities*) помогла мне завершить тот проект. Прежде чем приступить к этой книге, я опубликовала короткий очерк «Парадоксальные истоки прав человека» (*The Paradoxical Origins of Human Rights // Wasserstrom J.N., Hunt L., Young M.B. (Eds) Human Rights and Revolutions. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000. P. 3–17*). Некоторые аргументы из главы 2 я изначально приводила в статье «Тела в XVIII веке: истоки прав человека» (*Le Corps au XVIIIe siècle: les origines des droits de l'homme // Diogène. 2003. № 203 (July — September). P. 49–67*), хотя и в несколько ином ключе.

Путь от замысла к окончательному воплощению, по крайней мере в моем случае, долг и труден, но я смогла его осилить с помощью близких и любимых людей. Джойс Аппелби и Сюзанн Десан читали черновые наброски первых трех глав и дали прекрасные советы по их улучшению. Мой редактор в «У.У. Нортон» Эми Черри отнеслась к тексту и моим аргументам с таким вниманием, о котором многие авторы могут только мечтать. Я бы не написала эту книгу без Маргарет Джейкоб. Ее энтузиазм по поводу собственных исследований и текстов, смелость, с которой она бралась за новые, спорные темы, и не в последнюю очередь способность отложить все это в сторону ради приготовления отменного ужина давали мне стимул продолжать работу. Она знает, сколь многим я ей обязана. Пока я писала эту книгу, скончался мой отец, но я по-прежнему вспоминаю, как он подбадривал и поддерживал меня. Я посвящаю эту книгу моим сестрам Ли и Джейн в знак признательности, хотя и не соразмерной, за все то, что мы пережили вместе за долгие годы. Они преподали мне первые уроки о правах, разрешении конфликтов и любви.

ВВЕДЕНИЕ. «МЫ ИСХОДИМ ИЗ САМООЧЕВИДНОЙ ИСТИНЫ»

Иногда поспешное переписывание приводит к появлению великих вещей. В первом варианте Декларации независимости, подготовленном в середине 1776 года, Томас Джефферсон писал: «Мы исходим из священной и неопровержимой истины, что все люди созданы равными и независимыми [sic] и что из равенства вытекают неотъемлемые и неотчуждаемые права, среди которых сохранение жизни и свободы и стремление к счастью». Во многом в результате собственных правок Джефферсона предложение вскоре избавилось от длиннот и лишних слов и приобрело ясный и стройный вид: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». С помощью одного этого предложения Джефферсон превратил типичный документ XVIII века о политических злоупотреблениях короны в неустаревающий манифест прав человека¹.

Джефферсон был в Париже тринадцать лет спустя, когда французы начали задумываться о том, чтобы заявить о своих правах. В январе 1789 года — за несколько месяцев до падения Бастилии — друг Джефферсона маркиз де Лафайет, ветеран войны за американскую независимость, подготовил проект французской декларации, скорее всего с помощью Джефферсона. Когда 14 июля Бастилия пала, ознаменовав начало Французской революции, необходимость в официальной декларации выросла как никогда. Несмотря на все

¹ *Boyd J.P. (Ed.) The Papers of Thomas Jefferson, 31 vols. Princeton: Princeton University Press, 1950–. Vol. 1 (1760–1776). Особ. р. 423, но см. также р. 309–433.*

старания Лафайета, никто не мог придать документу окончательный вид, как это сделал Джефферсон для американского Конгресса. 20 августа новое Национальное собрание начало обсуждение двадцати четырех статей, подготовленных огромным комитетом из сорока депутатов. Через шесть дней бурных дебатов и бесконечных поправок французские депутаты одобрили только семнадцать статей. Непрерывные разногласия порядком измучили депутатов, кроме того, их внимания требовали другие неотложные вопросы, поэтому 27 августа 1789 года члены собрания проголосовали за то, чтобы приостановить прения относительно проекта и временно принять уже одобренные статьи в качестве Декларации прав человека и гражданина.

Подготовленный впопыхах документ поражает своим охватом и простотой. Без единого упоминания короля, знати или церкви в нем провозглашены «естественные, неотчуждаемые и священные права человека» в качестве основы любого правления. Он объявил источником суверенной власти нацию, а не короля, и признал всех равными перед законом, предоставил доступ ко всем постам и должностям соответственно таланту и способностям, неявно исключив все привилегии по рождению. Однако больше, чем любое конкретное обещание, впечатлял универсалистский характер сделанных заявлений. Отсылки к «людям», «человеку», «каждому», «всем», «всем гражданам», «каждому гражданину», «обществу» и «каждому обществу» затмили единственное упоминание французского народа.

В результате публикация декларации немедленно вызвала во всем мире широкий отклик как за, так и против. В проповеди, произнесенной в Лондоне 4 ноября 1789 года, Ричард Прайс, друг Бенджамина Франклина и частый критик английского правительства, восторженно высказался о новых правах человека: «Я дожил до тех времен, когда права человека понимают лучше, чем когда-либо, а нации жаждут

свободы, о которой, казалось бы, утратили всякое представление». Возмущенный наивным энтузиазмом Прайса по поводу «метафизических абстракций» французов, известный эссеист и член парламента Эдмунд Бёрк быстро написал гневный ответ. Его памфлет «Размышления о революции во Франции» (1790) сразу же получил признание как основополагающий для консерваторов текст. «Мы не адепты Руссо, — метал громы и молнии Бёрк. — Мы знаем, что не совершили открытий, и полагаем, что вообще невозможно совершить открытий в области нравственности... Нас не поймали в силки, чтобы потом набить, как музейное чучело, которое набивают соломой, тряпьем и прочим хламом наподобие бумажонок о правах человека». У Прайса и Бёрка не было разногласий относительно американской революции — они оба ее поддерживали. Но Французская революция сильно подняла ставки, и вскоре оформилась линия фронта: было ли это рассветом новой эры свободы, основанной на разуме, или началом неумолимого сползания к анархии и насилию?¹

На протяжении почти двух столетий, несмотря на споры, вызванные Французской революцией, Декларация прав человека и гражданина воплощала собой обещание универсальных прав. В 1948 году Организация Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека. Статья 1 гласила: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Уже в 1789 году статья 1 Декларации прав человека и гражданина провозглашала: «Все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Языковые изменения были, безусловно, значимы, тем не менее нельзя не заметить очевидную переключку между двумя документами.

¹ *Thomas D. O. (Ed.) Political Writings / Richard Price. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991. P. 195. Цит. по: Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. Overseas Publications Interchange Ltd. London, 1992. P. 163.*

Происхождение документов не обязательно говорит нам что-то существенное о том, к каким последствиям они приводят. Имеет ли значение то, что черновой вариант Джефферсона претерпел восемьдесят шесть правок, внесенных им самим, Комитетом пяти и Конгрессом? Джефферсон и Адамс явно так и думали, иначе они бы не спорили в 1820-е годы — в последнее десятилетие их долгой и насыщенной событиями жизни — о том, кто и что внес в этот документ. Однако Декларация независимости не имела конституционного статуса. Она просто провозглашала намерения, и прошло пятнадцать лет, прежде чем в 1791 году штаты наконец ратифицировали уже совсем другой Билль о правах. Французская декларация прав человека и гражданина защищала индивидуальные свободы, однако она не предотвратила появление французского правительства, ущемлявшего права (в период Террора), и создание конституций, — а их было немало, — которые формулировали новые декларации или вообще обходились без таковых.

Еще больше удручает тот факт, что те, кто в конце XVIII века так уверенно провозглашал универсальные права, как выяснилось, имели в виду нечто гораздо менее всеобъемлющее. Нас не удивляет, что они считали детей, сумасшедших, заключенных или иностранных граждан неспособными или недостойными полноценного участия в политическом процессе, поскольку мы сейчас придерживаемся того же мнения. Но они также исключали из правового поля неимущих, рабов, свободных чернокожих, религиозные меньшинства в некоторых случаях, а также всегда и везде женщин. В последние годы эти ограничения, касающиеся «всех людей», вызвали много комментариев, и некоторые исследователи даже сомневаются, повлияли ли в какой-то степени все эти декларации на освобождение. Основателей, создателей и деклараторов обвиняют в элитизме, расизме и женоненавистничестве за их неспособность признать равные права всех людей.